

О флоте каждая строка

Встречи по вашей просьбе

Разговор наш с писателем-маринистом Николаем Григорьевичем Михайловским начался не совсем обычно. Я взял книгу, раскрыл ее и стал читать:

— 3 июля 1941 года он пришел в балтийский флотский экипаж в легком пиджачном костюме и уже через каких-нибудь два часа, глянув в зеркало, не узнал себя. Он был в черных суконных брюках, кителе, фуражке с краем.

В новенькой форме, с наганом на ремне и противогазом через плечо он отправился в Таллин — в качестве военного корреспондента «Правды»...

— Ему было тогда тридцать лет, — разгадав ход моих мыслей, подхватил Николай Григорьевич, — и он был тогда значительно, на целых сорок лет, моложе меня, нынешнего. Но это была не первая его встреча с флотом...

— А первая? Как она прошла?

— В домашнем архиве я недавно обнаружил свою старую, почти выцветшую фотографию. На ней хоть с трудом, но все-таки можно различить военных моряков. А среди них — себя и... Кого бы вы думали? Аркадия Райкина.

В те далекие годы мы оба учились в Ленинграде, в 23-й школе на Фонтанке. Помнится, комсомольская организация школы выделила нас уполномоченными по шефству над эсминцем «Ленин». Краснознаменного Балтийского флота.

Бот и вышло, что к морякам в первый раз мы поехали двоим. А пригласили нас в Кронштадт, кажется, по поводу празднования Дня Красной Армии и Военно-Морского Флота. Во всяком случае зима уже вступила в свои права, и нас из Оранienбрума доставляли по заливу на санях-розвальях.

Не забыть тот теплый прием, окзанный нам, ленинградским школьникам, командирами и краснофлотцами эсминца. В кают-компании мы впервые узнали, что такое флотский харч, затем всплыли в офицерской каюте. А на второй день присутствовали на торжественном собрании экипажа и на концерте художественной самодеятельности. Впрочем, не только присутство-

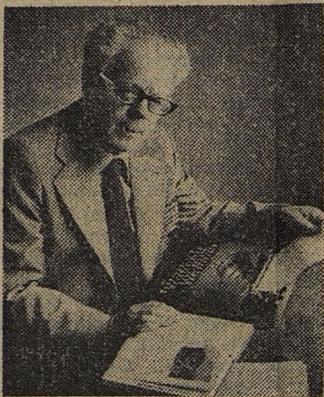
вали. Аркадий Райкин, в то время уже блеставший в школьных спектаклях, решил принять участие в концерте. Он выступил с чтением рассказов Михаила Зощенко, и военные моряки восторженно аплодировали юному артисту.

— Тогда на борту эсминца «Ленин» Аркадий Райкин вряд ли помышлял, что станет народным артистом, а вы и не предполагали, что пронесете сквозь всю свою жизнь любовь и преданность флоту, что посвятите его подвигу и мужеству более двадцати книг...

— Некоторую роль, конечно, сыграла в этом и моя первая поездка на боевой корабль. Но главным и определяющим стало веление времени. В тридцатые годы наша партия и правительство прилагали все усилия для укрепления обороны страны в связи с возрастающей военной угрозой со стороны фашизма. Крепла Красная Армия, пополнялся новыми кораблями флот. На Балтике появились мощные крейсера «Киров» и «Максим Горький», быстрые эсминцы «Ленинград» и «Минск», создавалась военно-морская авиация. И неудивительно, что после окончания Института журналистики, работая в ленинградском корпункте «Правды», я больше всего писал о Балтике.

— Значит, 3 июля 1941 года в балтийский флотский экипаж вы пришли уже не новичком. За плечами были морские походы на линкоре «Марат», сторожевом корабле «Пурга», «уроки» флотской науки, которые преподали вам комиссар Николай Михайлович Кулаков, другие офицеры флота. Об этом красноречиво говорят ваши репортажи в довоенной «Правде»...

— И все-таки меня, как и каждого ветерана, сроднили с флотом годы военных испытаний. Вместе с моряками мне довелось познать и горечь утрат, и радость побед. Первые оборонительные бои в Эстонии и полный драматизма героический переход из Таллина в Кронштадт 27—28 августа 1941 года. Прорыв двухсот кораблей через минные поля, ошеломив-



ший хвастливых фашистских адмиралов, поклявшихся Гитлеру, что ни один советский корабль не уйдет от бомб люфтваффе, атак торпедных катеров или огня береговых батарей.

— Николай Григорьевич, помните, в дневнике Всеволода Вишневского от 30 августа есть такие строки: «Потрясающая встреча в политуправлении со спасенным с «Виронии» Тарасенковым и Михайловским». Не могли бы вы их прокомментировать?

— Событиям тех дней посвящена моя первая книга — «Таллинский дневник», созданная под свежим впечатлением пережитого. Во время перехода, конечно, флот понес немалые потери, но сохранил свое боевое ядро и встал на защиту города Ленина. Врагу удалось потопить и штабной корабль «Вирония», на котором находились мы с Тарасенковым. Вишневский шел на лидере «Ленинград» и, безусловно, видел, как «Вирония» от прямого попадания фашистской бомбы лишилась хода, а затем и потонула. Правда, мне и писателю Анатолию Тарасенкову удалось спастись.

— Кстати, об этом переходе, о боевой работе писателей и журналистов я не без интереса читал в сборнике «Писатели Балтики рассказывают...», который совсем недавно вышел в издательстве «Советский писатель». Вы, Николай Григорьевич, являетесь составителем этой необычной книги и одним из ее авторов.

— В сборник этот вошли воспоминания, дневники и просто записи, большей частью нигде не публиковавшиеся, участников обороны Таллина и Ленинграда в 1941—1942 годах. Как вы знаете, при политуправлении Балтийского флота была создана оперативная группа писателей, которую возглавил Всеволод Вишневский. В качестве бойцов этого единственного в своем роде воинского подразделения в группу влились писатели двух поколений: участники гражданской войны Илья Амурский, Александр Зонин, Григорий Мирошниченко, Лев Успенский и проходившие первую боевую школу Всеволод Азаров, Александр Крон, Владимир Рудный, Николай Чуковский, Александр Яшин, Анатолий Тарасенков... Воспоминания, собранные воедино, дают представление о том, какой вклад в общую победу над врагом на Балтике внесли люди, чьим оружием было перо и страстное публицистическое слово.

— В вашем рабочем кабинете наряду с макетом крейсера «Киров» — участника Великой Отечественной войны стоят макеты атомной подводной лодки, ракетного корабля. Это говорит о том, что ваша дружба с военными моряками продолжается.

— Безусловно. Я нередко бываю на Балтийском, Черноморском, Северном флотах. Ведь мне довелось стать свидетелем незабываемых военных событий не только на Балтике, но и на Черном море, участвовать в боевых походах на подводных лодках, в конвойных операциях на Севере, жить на полуострове Рыбачий, а закончить войну в Германии. Многие из тех, с кем пришлось встречаться, стали героями моих книг. Скажем, боевая деятельность отважного командира тральщика капитана 3 ранга Н. Дебелова легла в основу документальной повести «Девять баллов». В итоге знакомства с послевоенным, качественно новым флотом и новым поколением военных моряков родилась дилогия «Мыс желания» и «Всплыть на полюсе». Над темой современного флота продолжаю трудиться и сегодня.

Беседу вели
капитан 2 ранга
В. ЛУКАШЕВИЧ.